

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ**

**ДОКУМЕНТ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН**

*Сборник материалов
IV Всероссийской научно-практической
конференции с международным участием
(г. Томск, 29–30 октября 2009 г.)*

Томск
2010

Н.А. Грик

**ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ
О ПЕРЕХОДЕ К НЭПУ В СИБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТОМСКОЙ ГАЗЕТЫ «КРАСНОЕ ЗНАМЯ»)**

В отечественной исторической науке по-прежнему остаётся спорным вопрос о продолжительности перехода к нэпу. Одни полагают, что уже к концу 1922 г. нэп в целом оформился, связывая это, прежде всего, с серьёзными изменениями в валютно-денежной политике. Другие считают особым и принципиально отличным от остальных этапов развития советской экономической политики период с 1921 г. по осень 1923 г., который характеризовался преобладанием тенденции к децентрализации, демонополизации и либерализации экономической системы. По их мнению, лишь с 1924 г. произошла смена вектора экономической политики. Часть учёных, в большинстве своем занимающихся аграрной политикой, склоняется к тому, что переход к нэпу в стране произошел в 1921–1924 гг., поскольку сельское хозяйство восстанавливалось после военной разрухи и голода медленно, с сильно ощутимыми «продармейским подходом» и репрессиями против деревни. И только с лета 1925 г. по лето 1927 г. установился «настоящий нэп» – без принудительных заготовок и непосильных налогов, происходило складывание системы рыночных отношений. С осени 1927 г. и по осень 1929 г. происходил слом нэпа: нагнетание оборонного психоза, репрессии и чрезвычайные хлебозаготовки – грубое свёртывание рыночных отношений [1. С. 7].

Вместе с тем, сегодня растёт понимание того, что процесс перехода во многом предопределил трудноразрешимые противоречия нэпа и его весьма короткую жизнь. Поэтому история начала нэпа нуждается в дальнейшем уточнении и осмыслении, прежде всего с точки зрения ожиданий и реакции населения и власти. Учитывая известную трудность реализации подобной задачи, следует обратить внимание на более основательное исследование особенностей перехода к нэпу в различных регионах страны. Подобная локализация позволит более основательно изучить уже имеющиеся источники, среди которых существенную роль может сыграть периодическая печать. В отличие от других источников, газета помогает отслеживать события едва ли не ежедневно, причём здесь интересны не столько объективные процессы, сколько субъективно-эмоциональная реакция журналистов, рабкоров и селькоров, статьи и заметки местных руководителей, позволяющие исследователю проникнуться духом той эпохи.

Газета «Красное знамя» (до 1 октября 1921 г. – «Знамя революции»), орган Томского губисполкома и губкома РКП(б), является важным источником в изучении местных особенностей перехода к нэпу. С одной стороны, она являлась важным источником официальной информации для населения, а с другой – отражала мнения и понимание ситуации авторами материалов, журналистами, редакцией. Тем более, что переход к нэпу был для многих из них неожиданным и не совсем понятным, ввиду весьма резкого поворота от военно-коммунистической политики советской власти. Как известно, переход к нэпу был связан с заменой продразвёрстки продналогом, допущением местного товарооборота и частного капитала, борьбой за твердую денежную единицу. Всё это происходило в чрезвычайных условиях разрухи, голода и эпидемий (тиф, холера).

Материалы газеты за 1921 г. не сильно отличались по тональности содержания от предыдущего года. Продовольственное положение Томской губернии, как, впрочем, и всей России, было критическим. Именно так оценивала положение разведсводка губчека в конце мая 1921 г. Были закрыты все столовые, детское питание сокращено на 50%, производительность труда упала в мае на заводах на 45%, вследствие нехватки продовольствия [2. С. 448]. В газете преобладали небольшие заметки агитационно-пропагандистского характера о распределительных усилиях власти в области топлива и продовольствия, о культурно-массовых мероприятиях в селах, воинских частях. Более половины газетной площади отводилось материалам о международном положении и общероссийских делах. Часто перепечатывались передовые из «Правды».

Характерной чертой января–апреля 1921 г. было продолжавшееся сокращение штатов финансовых органов, типичное для 1919–1920 гг. [3. 25 янв.], а также рубрики: «Продфронт», «Ход развёрстки», «Как выполняется хлебозавёрстка» и т.д. [3. 1, 5 янв.; 5, 14 мая]. Не изменилась сущность публикаций и после решений X съезда РКП(б) о замене продразвёрстки налогом. Преобладали официальные материалы партийного съезда, ВЦИКа, пропагандистские материалы из Москвы [3. 18, 20, 22 марта]. При этом утверждение «Вместо продразвёрстки – продовольственный налог» сочеталось с установкой выполнить продразвёрстку не меньше 85% [3. 5, 23 марта; 2 апр.]. Томской губернии в 1920–1921 гг. было запланировано сдать хлебофуража 19 000 тыс. пудов, а выполнено только 12 950. Продналог не стал и в 1921–1922 гг. спасительной заменой продразвёрстки, чтобы избавить сибирское крестьянство от надвигавшегося голода. Москва же, несмотря на доказательные сообщения из региона, что запасов хлеба нет, настаивала на необходимости «выкачивать» из

Сибири возможно большее количество продовольствия [4. С. 117–118]. Далёкой от нэповской сути был майский материал газеты о «государственном товарообмене», под который потребительская кооперация должна была приспособить свой заготовительный аппарат, а государство – образовать для этой цели комитеты при профсоюзах [3. 11 мая].

В январе 1922 г. при подведении итогов работы губэкономсовещания за март–декабрь 1921 г. особо подчёркивалась вынужденность привлечения частного торгового аппарата к обслуживанию губернии. Совещание разрешило губнарообразу заключение сделок имущественного характера и признало допустимой заготовку мясных продуктов через частный аппарат. Ещё более нэповской стала статья о деятельности Томского губфинотдела за 1921 г., где подчёркивалось, что новая экономическая политика в корне меняет положение финансового аппарата, обращая его деятельность на возрождение хозяйственной жизни страны путём проведения ряда финансовых мероприятий и восстановлением налогового аппарата [5. 1 янв.]. В то же время редакция поместила заметку «Обыватель и гражданин», автор которой призывал держать курс на социалистическую фабрику, а нэп рассматривал лишь как средство, явление временное [5. 4 янв.]. Судя по материалам второй половины 1921 г. и начала 1922 г., именно финансовые органы оказались впереди всех в переходе к нэпу. В 1922 г. одной из систематических рубрик становится «В губфинотделе» [5. 4, 6, 11 февр.], где часто сравнивалась военно-коммунистическая и новая экономическая политика. Так, прозвучало признание, что раньше приходилось много выдавать, но почти ничего не собирать, а теперь положение изменилось, установленный твёрдый бюджет требовал поступления налогов. В финорганах быстрее и острее многих почувствовали необходимость кардинальной перестройки аппарата и укрепления его квалифицированными кадрами (финансистами, налоговиками, акцизниками и др.). Открыто выражалась надежда на привлечение старых налоговиков, акцизников и других чиновников, бежавших с Колчаком из Европейской России и оказавшихся в Томске [5. 6 февр.].

Знаковым событием стало открытие томской товарной биржи. Однако и здесь переплелись установки эпохи гражданской войны с новыми веяниями в хозяйственной жизни. На первом организационном собрании биржи при обсуждении устава был поднят вопрос о роли частного капитала. Большинство отказалось вводить частных в члены биржи, поскольку те ничем себя не проявили. Вообще же частному капиталу посредством института постоянных и однократных посетителей давалась полная возможность работать на бирже. Кроме того, материал газеты

свидетельствовал, что товарная биржа в основном предназначалась для государственных и кооперативных хозяйственных субъектов и в этом виделось её отличие от товарных бирж в буржуазном государстве [5. 14, 15 февр.; 24 марта; 5, 25 апр.; 4 мая; 20 июня]. Кстати, именно подобное стремление представителей советской власти войдёт в серьёзное противоречие с требованием развития товарно-денежных отношений в 1925–1926 гг., что в конечном счете в 1927 г. поставит точку в истории биржи в СССР. В начале мая 1922 г. газета, ссылаясь на постановление ВЦИК и СНК от 30 марта, сообщила читателям о восстановлении вексельного обращения [5. 3 мая]. Это уже был нэп, но продолжало оставаться противодействием ему, о чём свидетельствует публикация, содержащая негативное отношение к томским предпринимателям, которые открывают «комиссионные, галантерейные и разного рода другие магазины, много кофейных, бильярдные, есть и рестораны...» и тем самым увеличивают эксплуатацию трудящихся [5. 27 мая].

Одновременно в середине 1922 г. стал ощущаться кризис сбыта, порождённый становлением рынка, который газета объясняла сокращением денежной массы, т.е. денежным голодом, понизившим и без того невысокую покупательную способность населения [5. 6 июня]. Конечно, причины крылись, прежде всего, в неразвитости торгового аппарата и кредита. Государственный банк выделял кредиты госпромышленности, госторговле и кооперации, которые были слабы и неэффективны, а частный капитал кредитовался незначительно и под большую процентную ставку. Таким образом, с момента проведения кредитно-денежной реформы появились две учётные ставки, которые на пике нэпа будут его подрывать и расшатывать.

С середины июля 1922 г. и на протяжении последующих двух лет в газете систематически печатались бюллетени товарной биржи. С этого же времени «Красное знамя» заметное место отводит рекламе и объявлениям, причём не только государственных, кооперативных организаций, но и частных. Впервые развёрнутая реклама появилась 20 июля 1922 г. Обращает на себя внимание реклама, по всей видимости, крупного частного оптовика А.Д. Бляхера, готового принимать контрагентства по всем товарным и всем банковским операциям от местных и иногородних правительственных, кооперативных и частных учреждений и предприятий. Впечатлял и перечень товаров, которые готов был поставлять под заказ частник.

1923 г. отмечен явным преобладанием материалов о финансах, налогах, мощной и постоянной рекламой и агитацией в пользу приобретения выигрышного золотого займа, началом перехода крестьянства от нату-

ральной формы сельхозналога к денежной [6. 19, 24, 26 янв.; 8 февр.; 7, 10 марта; 3, 5 апр.]. В середине апреля предприниматели учреждают томское общество взаимного кредита [6. 20 апр.]. Крестьяне задавали вопросы власти: «Почему мы платим много налогов и почему городские товары дороги, так что крестьянину их не купить?» [6. 20 нояб.]. Однако нэп так и не смог их решить.

Примечания

1. *Советская деревня* глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 2: 1923–1929. М.: РОССПЭН, 2000. 1168 с.
2. *Советская деревня* глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 1: 1918–1922. М.: РОССПЭН, 1998. 864 с.
3. *Знамя революции*. 1921.
4. *Познанский В.С.* Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е гг. XX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 307 с.
5. *Красное знамя*. 1922.
6. *Там же*. 1923.